

С. Н. Хорунжий

кандидат юридических наук, преподаватель
Воронежский государственный университет

**ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И РЕШЕНИЕ СУДА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНОГО
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ОХРАНЯЕМОГО
ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСА**

В научной литературе справедливо было замечено, что «юридический факт является узловым пунктом, в котором скрещиваются и из которого исходят обе главные ветви общей теории права, т.е. учение о праве объективном и субъективном»¹. С учетом широты и разнообразия правовых проблем, существующих в сфере научного исследования вопросов субъективного гражданского права, выделим лишь несколько основных, которые сопряжены с целями настоящей работы:

- а) является ли право на судебную защиту самостоятельным субъективным гражданским правом;
- б) как соотносится субъективное гражданское право с охранительными правоотношениями (способности к принудительной реализации — осуществлению или исполнению — права в судебном порядке);
- в) обладает ли истец некими преобразовательными полномочиями или субъективным гражданским правом на преобразование правоотношения и возможностью их использования без обращения в суд;
- г) предоставляя защиту субъективного гражданского права, производит ли суд преобразование правоотношения либо осуществляет признание (санкционирование) соответствующего преобразовательного правомочия заявителя на основании существующих юридических фактов.

В современной научной литературе выделяют три наиболее распространенных подхода к определению субъективного гражданского права:

- 1) право как мера возможного поведения;
- 2) право как возможность требовать определенного действия (бездействия) от обязанного лица;
- 3) комбинированный подход, в котором объединены первые два. При этом само субъективное право предлагается рассматривать как меру «поведения, признаваемого возможным для достижения определенной цели (удовлетворения интереса)», а правомочие — как меру «возмож-

---

¹ *Магазинер Я. М.* Избранные труды по общей теории права / Отв. ред. А. К. Кравцов. СПб., 2006. С. 130.

ного поведения, предназначенного для решения одной из промежуточных задач, ведущих к достижению этой цели»².

Состав субъективного гражданского права определяется его структурой, которая рассматривается как система, состоящая из определяющих ее существо элементов. Причем количество и наименование таких элементов не стало общим для науки. В частности, по мнению С. С. Алексеева, в структуру субъективного права входят правомочия, которые могут быть трех основных видов: а) право требования; б) право на положительные действия; в) притязание³.

В настоящее время приобретает все большее признание высказанное рядом ученых мнение о том, что всякое субъективное право включает в себя не только правомочия на собственные и чужие действия, но также отдельное правомочие на защиту субъективного гражданского права⁴. Толковый словарь гражданского права прямо указывает, что субъективное гражданское право содержит в себе «право лица обращаться в соответствующие государственные органы в случае нарушения субъективного гражданского права», а также «право обращаться в суд общей юрисдикции, в арбитражный суд, в Кон-

² Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 233. Отметим также, что субъективное гражданское право (как правовое явление) прошло достаточно длительный путь своего развития, его определяли как господство воли (Б. Виндшейд), как юридически защищенный интерес (Р. Иеринг), как мера свободы лица (Д. И. Мейер), как предоставляемую правопорядком власть (Л. Эннекцерус); также высказывались предложения в принципе отказаться от категорий «субъективное право» и «субъект права» (Л. Дюги, Г. Шварц). обстоятельный анализ существующих в науке определений субъективного гражданского права и соответствующих суждений по данному предмету приведен в совместном очерке В. А. Белова и А. Б. Бабаева (см.: Гражданское право: Актуальные проблемы... / Под общ. ред. В. А. Белова. С. 217—263), а также см.: *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 8—21; *Теория государства и права: Курс лекций* / Под ред. Н. И. Матузова, В. А. Малько. М., 1997; *Магазинер Я. М.* Указ. соч. С. 153—213; *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1. С. 100—101; *Власова А. В.* О соотношении субъективного гражданского права и интереса // *Правоведение.* 2004. № 3. С. 179—183). Укажем лишь на одно замечание, высказанное ранее в теории права, которое остается актуальным до сих пор: возможность требовать определенного поведения от обязанного лица — это тоже мера дозволенного поведения самого управомоченного (см.: *Алексеев С. С.* Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 117).

³ См.: *Алексеев С. С.* Указ. соч. Т. 2. С. 118. А. В. Мицкевич, не перечисляя все структурные элементы субъективного права, дипломатично указал, что «каждое субъективное право связано с притязанием, т.е. с возможностью обратиться в суд...» (*Теория государства и права: Учеб.* / Под ред. М. Н. Марченко. Изд. 3-е, расшир. и доп. М., 2002. С. 538).

⁴ См., например: *Гражданское право: Учеб.*: В 4 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. Т. 1: Общая часть. С. 121, 556.

ституционный Суд РФ (а в некоторых случаях в международные суды) с целью защиты своих прав»⁵.

Однако не все согласны с предложенным пониманием структуры субъективного права: с точки зрения В. А. Белова и А. Б. Бабаева, следует различать только два вида правомочий: а) на собственные действия и б) на требование чужих действий⁶. Концепция, согласно которой всякое субъективное право включает в себя также правомочие на защиту данного субъективного права (правомочие на защиту самого себя), категорически отвергается.

Подробнее рассмотрим взаимосвязь и юридическое значение указанных выше правомочий, их роль в защите субъективного гражданского права и охраняемого законом интереса, осуществляемой судом.

Право требования в научной литературе рассматривается как возможность требовать исполнения или соблюдения юридической обязанности, т.е. правомочие на чужие действия (действия должника)⁷. Выступая элементом субъективного гражданского права одного лица (кредитора), оно всегда реализуется поведением другого, обязанного, лица (должником). Материальным содержанием правомочия требования выступают активные действия должника; право требования всегда обеспечено действиями обязанного лица. Иными словами, должник обязан совершить определенные действия в силу существования соответствующего субъективного права у кредитора даже без использования последним каких-либо механизмов государственного принуждения и дополнительного санкционирования со стороны органов власти.

Правомочие требования (как элемент структуры субъективного гражданского права) существует до принятия решения судом: его наличие и является основанием для вынесения соответствующего судебного решения (например, при существенном нарушении договора одной стороной другая вправе требовать его изменения или расторжения в судебном порядке — ст. 450 ГК РФ). В данном случае право требования выступает самостоятельным правомочием, благодаря которому обеспечивается защита нарушенного гражданского права — исполнение условий, содержащихся в заключенном договоре. При этом судебным решением не просто подтверждается право лица на расторжение дого-

⁵ Толковый словарь гражданского права / Е. В. Вавилин, С. П. Гришаев, И. В. Елисеев и др. М.: Городец, 2006. Ч. 1. С. 413—414.

⁶ См.: Гражданское право: Актуальные проблемы .../ Под общ. ред. В. А. Белова. С. 232, 235. Утверждая это, авторы поясняют, что «других правомочий в составе субъективного права не может быть в силу простого логического соображения: противопоставлением «свой» — «чужой» исчерпывается весь круг субъектов, действия которых могут привести к удовлетворению интереса — достижению цели субъективного права» (Там же).

⁷ См.: Власова А. В. Структура субъективного гражданского права. Ярославль, 1998. Рассматривая правомочие требования с функциональной точки зрения, автор понимает под ним возможность распоряжаться чужими действиями контрагента как своими.

вора, но и обеспечивается реализация этого права, предоставленного субъекту нормой закона, а не решением судьи, которое обосновано его собственным усмотрением⁸.

Сказанное вполне соответствует позиции, высказанной в цивилистике, что интересы управомоченного можно реализовать *единственно* (выделено нами. — С. Х.) поведением обязанных субъектов⁹. Добавим: в том числе посредством обращения за защитой *в суд, но не судом*: суд не преобразовывает материальные правоотношения, он предоставляет защиту существующему субъективному гражданскому праву уполномоченного лица. Использование применительно к праву категории «субъективное» указывает на то, что таким правом может воспользоваться только правообладатель, а не иное лицо. Поэтому суд может лишь признать «действительность» правообладания и тем самым подтвердить допустимость протребования по отношению к обязанному лицу.

Таким образом, решение суда основывается не на некоем преобразовательном полномочии суда, а на принудительной реализации субъективного гражданского права, принадлежащего лицу. Реализация права требования через обращение в суд является условием осуществления поставленного под сомнение субъективного гражданского права.

Данный вывод согласуется с юридическим существом другого элемента субъективного гражданского права — притязанием. Как указывается, притязание вытекает из претензии потерпевшего по отношению к нарушителю, которая выражается либо в простой констатации нарушения права, либо переходит в судебное преследование нарушителя (иск)¹⁰. Здесь притязание рассматривается как юридическая возможность привести в действие аппарат государственного принуждения против обязанного лица. Поэтому притязание выступает определенным звеном, связывающим регулятивные (правоустановительные) и охранительные правоотношения¹¹. При этом деятельность суда сводится к проверке материально-правового требования истца к ответчику. Одна-

---

⁸ Заметим, что для публичного права (к которому, бесспорно, относится процессуальное законодательство, регулирующее судопроизводство как публично-правовую сферу) не характерно действие принципа «все, что не запрещено, то разрешено». Напротив, должностные лица не вправе самостоятельно решать вопросы, связанные с приобретением и осуществлением прав, от собственного имени, что, как верно было подмечено, является причиной использования применительно к ним понятия компетенции, а не правоспособности (подробнее см.: Третьяков С. В. Некоторые аспекты формирования основных теоретических моделей структуры субъективного частного права // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7, № 3. С. 255).

⁹ См.: Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М., 2007. С. 16.

¹⁰ Следовательно, понятие «притязание» шире понятия «иск» (об этом см.: Тихомиров Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова. Изд. 5-е, доп. и перераб. М., 2007. С. 706).

¹¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права... С. 124—125. В качестве критерия разделения гражданских правоотношений на регулятивные и охранитель-

ко притязание, облеченное в процессуальную форму и ставшее отчасти понятием процессуального права, не теряет своего первоначального качества как одного из правомочий субъективного гражданского права. Следовательно, притязание (или материально-правовое требование) вряд ли справедливо рассматривать в качестве самого нарушенного или оспоренного субъективного права. В противном случае поданным иском защищалось бы не само нарушенное субъективное право, а право лица на подачу такого иска, т.е. право на иск. А. А. Добровольский, в частности, писал, что «предъявляя иск о выселении, истец защищает не право на выселение, а субъективное жилищное право, нарушенное ответчиком. Требование о выселении (или, иначе, притязание) есть, по существу, средство защиты субъективного жилищного права»¹².

Предложенная выше цивилистическая конструкция субъективного права допускает возможность судебной защиты лишь реального субъективного права лица, не оставляя места для правопроизводящих действий суда, в том числе прекращения или изменения прав и обязанностей, которыми уже обладает(ло) лицо в силу закона. Предметом судебной защиты выступает *существующее* субъективное право. Поэтому в ходе гражданского судопроизводства происходит не наделение судом новым субъективным правом лица, но предоставляется возможность судебной защиты тех прав, которые лицо имеет в силу закона. Иначе следовало бы говорить не о защите права, а о реализации особых полномочий суда, благодаря которым он осуществляет собственное индивидуальное правотворчество и предоставляет судебную защиту тому субъективному праву, которым сам и наделяет одну из сторон процесса. Алогичность такого вывода очевидна. Предметом судебной защиты не может быть некое предполагаемое, но отсутствующее у лица субъективное гражданское право¹³.

ные предлагается, например, рассматривать *способность к принудительной реализации* (осуществлению или исполнению): правоотношения, в которых права и обязанности такой способности не имеют, предложено называть «регулятивными», иные правоотношения, обладающие такой способностью, — «охранительными». В свою очередь, принудительная реализация представляет собой возможность обладателя охранительного субъективного права прибегнуть к содействию публичной власти при осуществлении этого права (приводится по: Гражданское право: Актуальные проблемы... / Под общ. ред. В. А. Белова. С. 258, 242).

¹² Курс Советского гражданского процессуального права / Отв. ред. А. А. Мельников. М., 1981. Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. С. 415). Об этом см. также: Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 73.

¹³ В цивилистической литературе высказывались предложения о существовании так называемых «правовых ожиданий» (или «правах ожидания»), которые предлагали рассматривать как стадию возникновения права (см.: Эртманн П. О структуре субъективных частных прав // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7, № 3. С. 241). Однако это не получило должного доктринального развития и за редким исключением не нашли отражения в теории российского гражданского права (об ожидаемых правах см., например: Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики.../ Под общ. ред. В. А. Белова. С. 251—252).

Между тем, по мнению ряда ученых, ни одно субъективное право не может возникнуть непосредственно из нормы закона без наступления предусмотренного ею юридического факта¹⁴. Следует принять также во внимание небезосновательные высказывания Л. А. Чеговадзе о том, что право собственности возникает не из закона, поскольку закон «определяет лишь содержание прав и обязанностей его субъектов. В основании возникновения права собственности лежат разнообразные жизненные обстоятельства, с которыми закон связывает наступление юридических последствий в виде появления абсолютного права у одного лица и возникновения общего запрета посягательств на это право для всех иных лиц»¹⁵. Такая позиция привлекательна и теоретически плодотворна.

Действительно, возникновение определенных законом жизненных обстоятельств влечет за собой появление конкретных субъективных прав. Однако взаимосвязь юридического факта и субъективного права представляется не столь однозначной: существование правовых (юридических) обстоятельств автоматически не влечет обладания субъективным правом: во-первых, субъективные права возникают только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено законом, т.е. при наличии правовых обстоятельств, с которыми нормы права связывают существование соответствующих прав; во-вторых, при наступлении соответствующего юридического факта гражданин может отказаться от реализации возникшего у него субъективного права.

Наличие у лица субъективного гражданского права и реализацию этого права, конечно, следует различать (М. А. Гурвич¹⁶): лицо может иметь право на расторжение договора в судебном порядке, но не воспользоваться им. Заключенный, но не исполненный стороной договор будет выступать юридическим фактом, наделяющим субъекта правомочием в силу закона требовать защиты нарушенного права в судебном порядке. Решение суда здесь выступает юридическим условием реализации субъективного гражданского права, поставленного под сомнение (нарушенного или оспариваемого) другой стороной. Судебным решением лишь юридически подтверждается произошедшее изменение договорных отношений (их нарушение одним из контрагентов), что является основанием для их расторжения в силу прямого указания закона (ч. 2 ст. 450 ГК РФ). Суд, приняв решение о расторжении договора, применил норму объективного права и обеспечил реализацию существующего у истца субъективного гражданского права на расторжение

---

¹⁴ См.: *Иванова З. Д.* Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 34.

¹⁵ *Чеговадзе Л. А.* Структура и состояние гражданского правоотношения. М., 2004. С. 20—21.

¹⁶ См.: *Гурвич М. А.* Судебное решение: Теоретические проблемы. М., 1976. С. 36.

договора¹⁷. По мнению А. А. Добровольского и С. А. Ивановой, если суд установит наличие так называемых преобразовательных полномочий (например, право на раздел общего имущества, право на прекращение договора), а ответчик препятствует его осуществлению или оспаривает его, суд «обязан защитить право истца на принудительное осуществление права, как он это делает по любому другому иску (например, по иску о присуждении)¹⁸».

Такое понимание роли суда и существа выносимого им решения вполне соотносится с его полномочиями как органа, рассматривающего нарушенные (или оспариваемые) субъективные права, которыми обладает истец, но не о наделении которых он мог бы просить суд. Поэтому, как справедливо заметил В. М. Жуйков, к компетенции суда относится рассмотрение и разрешение не любых требований, а только тех, которые связаны с защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов; иные требования в предмет судебной защиты не входят и, следовательно, их рассмотрение и разрешение

¹⁷ Более того, некоторыми зарубежными цивилистами (в частности, А. Тонном) было высказано мнение о том, что «поскольку позитивное содержание субъективных правовых возможностей предопределено содержанием соответствующих правовых норм, оно не может определяться волей субъектов права. В этом случае мы имеем дело с императивами, относящимися к сфере объективного права и имеющими конкретных адресатов» (цит. по: *Третьяков С. В.* Некоторые аспекты формирования основных теоретических моделей структуры субъективного частного права // *Вестник гражданского права.* 2007. Т. 7, № 3. С. 246). Следовательно, — подытоживает С. В. Третьяков, — «суть субъективного права заключается в возможности путем предъявления иска защитить от нарушения норму объективного права (императива: обязанности или запрета) в случае, если такое нарушение будет иметь место» (Там же. С. 247). Такое расширительное понимание роли и места объективного права в механизме правового регулирования привело, по справедливому замечанию Й. Шмидта, к внутренней противоречивости всей конструкции: «...нельзя квалифицировать право на иск в случае нарушения абсолютного запрета в качестве субъективной правовой возможности, поскольку возможность защиты абсолютного запрета от нарушений предопределяется содержанием самой нормы объективного права, устанавливающей запрет» (Там же. С. 250).

¹⁸ См.: *Добровольский А. А., Иванова С. А.* Судебное решение как акт защиты нарушенного или оспоренного права // *Советское государство и право.* 1977. № 5. С. 108. «Вынося решение об изменении или прекращении спорного правоотношения, — дополнительно поясняют ученые в другой своей работе, — суд только защищает право истца на изменение или прекращение правоотношения», ибо «создание или изменение права не является функцией суда или судебного решения»; поскольку «в задачу суда не входит ни создание прав, ни их прекращение, ни их изменение» (*Добровольский А. А., Иванова С. А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 82). О том, что судебное решение состоит из двух элементов (*подтверждения* спорного правоотношения и приказа органа власти — суда) писал еще С. Н. Братусь (см.: *Братусь С. Н.* Юридическая ответственность и законность: Очерк теории. М., 1976. С. 56—58).

не относится к компетенции суда¹⁹. Возможность обращения в суд с любым требованием, не связанным с защитой нарушенных или оспариваемых субъективных прав истца, приведет к выполнению судом не свойственных ему функций, а именно: к вмешательству в деятельность других ветвей власти. Принимая исковое заявление, судья должен проверить: обладает ли заинтересованное лицо субъективным правом на обращение за судебной защитой, а также носят ли предъявленные к судебной защите требования правовой характер. Следовательно, обращение в суд с требованиями, не связанными с защитой принадлежащего истцу субъективного гражданского права, может рассматриваться как злоупотребление правом на судебную защиту и использование правосудия в противоречии с его назначением²⁰.

В целях пресечения недобросовестного поведения сторон на начальных стадиях судебного разбирательства ГПК РФ (п. 1 ч. 1 ст. 134) содержит норму, предусматривающую возможность отказа в принятии заявления, например, в случае, если в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя. Данная норма, с одной стороны, соответствует ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, в которой установлено, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц; с другой — соотносится с конституционной гарантией судебной защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 46 Конституции РФ), защищая истца от незаконного отказа в рассмотрении дела²¹.

Таким образом, по действующему законодательству обращение в суд, не связанное с защитой принадлежащего истцу права, может быть квалифицировано как злоупотребление правом. Решение суда определяется содержанием норм объективного права, на основе

¹⁹ См.: *Жуйков В. М.* Судебная реформа: Проблемы доступа к правосудию. М., 2006. С. 49.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Жуйков В. М.* Указ. соч. С. 50—56; также см.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. М. Жуйкова, М. К. Треушникова. М., 2007. С. 321; *Юдин А. В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб., 2005.

²¹ Дополнительно отметим, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод прямо указывает, что злоупотребление правом подачи жалоб является основанием для признания жалобы неприемлемой (ч. 3 ст. 35), т.е. не подлежащей рассмотрению Европейским судом по правам человека (СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163). О недопустимости недобросовестного использования права обжалования, а также о необходимости принятия мер, направленных на пресечение злоупотребления средствами правовой защиты см. также: Рекомендация № R (81)7 Комитета министров государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию; Рекомендация № R (84)5 Комитета министров государствам-членам относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы // (<http://www.hri.ru/docs/?content=dir&dir=types&id=0&page=25>).

которых суд дает юридическую оценку существующим у сторон субъективным правам. Поэтому воздействие судебного решения на правоотношения состоит не в создании новых или прекращении существующих субъективных гражданских прав и обязанностей, а в выявлении тех, которые действительно имели место между сторонами, а также в принуждении к исполнению соответствующих обязанностей и, как следствие, в приведении рассматриваемого судом правоотношения к состоянию беспорядности²². По мнению А. А. Добровольского, «решение суда может считаться юридическим фактом только в смысле основания для принудительной реализации имеющегося у истца правомочия, но никак не является юридическим фактом, с которым закон связывает возникновение, изменение или прекращение субъективного права»²³.

Показательно рассмотренное Верховным Судом РФ дело о расторжении брака. В. П. Рыбников обратился в суд с иском к Л. П. Рыбниковой о расторжении брака, ссылаясь на то, что супружеские отношения с ответчицей прекращены более трех лет назад и что он имеет другую семью. Решением городского суда брак был расторгнут. Постановлением президиума областного суда решение городского суда было отменено со ссылкой на нарушение судом при рассмотрении дела правил о подсудности и об извещении сторон о времени и месте слушания дела; дело было возвращено в тот же суд на новое рассмотрение. Спустя три месяца определением судьи производство по делу было прекращено в связи со смертью В. П. Рыбникова и недопустимостью правопреемства по данному делу.

В надзорной жалобе Е. М. Рыбниковой (Кузьминой), с которой В. П. Рыбников после развода с ответчицей Л. П. Рыбниковой зарегистрировал новый брак, был поставлен вопрос об отмене постановления президиума областного суда и последующих судебных постановлений как вынесенных с нарушением норм материального и процессуального права. Судебная коллегия Верховного Суда надзорную жалобу удовлетворила, судебные постановления отменила по следующим основаниям. Из материалов дела следует, что после решения городского суда о расторжении брака В. П. Рыбников зарегистрировал новый брак с Е. М. Рыбниковой (Кузьминой). Данное обстоятельство, по мнению суда, свидетельствует о том, что семейные отношения В. П. Рыбникова с Л. П. Рыбниковой на момент вынесения оспариваемого постановления суда надзорной инстанции были и юридически и фактически прекращены. Восстановление этих отношений в форме отмены решения суда о расторжении брака законным быть признано не может, в том числе в силу того, что на момент внесения протеста и вынесения постановления президиума областного суда В. П. Рыбников умер.

²² См.: Чечина Н. А. Норма права и судебное решение // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002/2003. № 2. С. 685—689.

²³ Добровольский А. А. Исковая форма защиты права. М., 1965. С. 181—182.

Судебная коллегия Верховного Суда указала, что суд надзорной инстанции не мог пересмотреть исполненное решение суда первой инстанции, в том числе в связи с тем, что после расторжения брака с Л. П. Рыбниковой В. П. Рыбников зарегистрировал новый брак с Е. М. Рыбниковой. При указанных обстоятельствах дела выводы президиума областного суда о том, что дело было рассмотрено с нарушением правил о подсудности и об извещении участвующих в деле лиц о месте и времени судебного разбирательства, основаниями для возбуждения надзорного производства и отмены решения суда по данному делу не являются²⁴.

Как следует из приведенного примера, решение суда о расторжении брака лишь юридически оформило факт прекращения семейных отношений и распад семейного союза. Основанием для расторжения брака являются факты, свидетельствующие о невозможности дальнейшего совместного проживания супругов и сохранения семьи²⁵. Поданным иском защищается субъективное право лица на прекращение брака²⁶.

По мнению Е. А. Нефедьева, в решении суда «проявляется не субъективное гражданское право, а конкретное веление объективного права», так как судебная защита состоит в констатации того, что интерес или воля защищены конкретным решением объективного права²⁷. Поэтому решение суда не может рассматриваться как юридический факт, преобразующий общественные отношения: суд, осуществляя правоприменение, дает юридическую оценку уже преобразованным общественным отношениям, фиксируя их и устраняя спорность²⁸.

Правоотношение изменяется не потому, что суд трансформирует его своим решением, а потому, что закон указывает на возможность преобразования правоотношения при наличии надлежащих условий²⁹. Установление (констатация) таких условий отнесена к компетенции суда. Актом, выражающим это, является судебное решение.

Наделение суда полномочиями по изменению или прекращению правоотношения влечет за собой признание за ним активной роли в

²⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2004 г. № 16-ВОЗ-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 10. С. 2—3.

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 (в ред. от 6 февраля 2007 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

²⁶ См.: Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы ... С. 73.

²⁷ См.: Нефедьев Е. А. Избранные труды по гражданскому процессу. Краснодар, 2005. С. 79, 86, 88, 92.

²⁸ В Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. указывалось, что цель судебного решения — «установить бесспорно спорное юридическое отношение между сторонами» (цит. по: Победоносцев К. П. Судебное руководство. М., 2004. С. 62).

²⁹ Условиями преобразования существующего общественного отношения являются юридические факты и субъективные права. При этом преобразова-

такой степени, которая по действующему законодательству РФ ему не свойственна. Судебное решение как акт применения права приобретает значение подзаконного регулятора общественных отношений, что представляется не вполне обоснованным. Судебное решение, бесспорно, оказывает воздействие на структуру и динамику общественных отношений (С. К. Загайнова³⁰, М. А. Рожкова³¹), но не как особый юридический факт, а как действие законной силы судебного решения. Субъективное гражданское право реализуется в рамках сложившихся и существующих правоотношений. Судебное решение признает (санкционирует) существующее общественное отношение (содержанием которого выступают действительные права и обязанности сторон), придавая ему статус бесспорного правоотношения.

Следовательно, реализуя судебную защиту субъективного гражданского права, акт суда не приобретает значения некоего конституирующего элемента гражданского (материального) правоотношения, но остается актом правоприменения.

тельное правомочие более соответствует не самостоятельному виду субъективного права с собственным содержанием, а субъективному праву, имеющему строго определенную направленность — изменение сложившегося правоотношения. Иными словами, правомочие на собственные действия имеет строго определенную цель — трансформировать существующие между сторонами правоотношения. Поэтому преобразовательные правомочия охватываются правомочием на собственные (телеологические) действия и вряд ли нуждаются в отдельном выделении как самостоятельный вид в структуре субъективного гражданского права.

³⁰ См.: Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007. С. 163—164.

³¹ См.: Рожкова М. А. Судебный акт и динамика обязательств. М., 2003.